

О ФОНЕТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ТУРКСКИХ ТОПОНИМОВ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ

Среднее Прииртышье является регионом, где на протяжении четырех столетий живут в тесном соседстве русское и татарское население. Поэтому результаты языкового взаимодействия могут наблюдаться здесь достаточно четко и представлять интерес для сравнения с другими регионами¹.

В науке о языке принято выделять несколько типов лингвистического контактирования. По характеру соприкосновения языков различают два основных случая: маргинальное и внутрирегиональное контактирование. Первое характеризуется наличием связи двух языков, распространенных на смежных территориях. При этом не происходит глубокого проникновения масс населения, носителей одного языка в область распространения другого. При внутрирегиональном контактировании, напротив, наблюдается самая тесная связь между носителями различных, часто неродственных языков, обусловленная общностью жизни и хозяйствования [1]. На исследуемой территории, таким образом, можно говорить о достаточно длительном внутрирегиональном взаимодействии, и в области языка в первую очередь.

До сих пор внимание исследователей в основном было обращено на прогрессивное влияние русского языка на языки и диалекты татар [2]. Об обратном воздействии упоминается чаще всего в связи с изучением лексических заимствований [3]. Причем среди заимствованных слов слабо изучен такой пласт, как местные географические названия, хотя они могут представлять большой интерес для наблюдения за языковым взаимодействием. Рассмотрение одного из конкретных вопросов — адаптации татарских географических названий в русской языковой среде — является необходимым этапом при этимологизации топонимов иноязычного происхождения, одним из условий надежности подобной работы.

1. В статье использованы полные материалы, собранные при участии автора в прииртышских районах Тюменской и Омской областей (неотрезке Тобольск — Тара).

Иноязычная топонимия, входящая в лексику русского языка, воспринимается носителями последнего как лишняя внутренней формы. Такое явление способствует тому, что заимствованные наименования в большей степени подвергаются фонетической адаптации, которая осуществляется на основе заимств. русского языка. Относительно адаптации иноязычных собственных имен в чужой языковой среде существует общее положение. Оно заключается в следующем: степень адаптации будет сильнее, если заимствуемое слово длительное время и с большей частотностью функционирует в заимствующем языке [4. С.37-45]. Четырехязычный кантит русских и татар на территории Прииртышья предполагает глубокое взаимопроникновение языков. Об этом свидетельствует большое количество тюркских заимствований, усвоенных русской топонимической системой на всех языковых уровнях.

Звуковой состав одного языка никогда не совпадает со звуковым составом другого. Поэтому при переходе с одного языка на другой человеку необходимо выработать у себя новые моторные ощущения речи или "апприировать те же моторными ощущениями, с помощью которых он артикулирует звуки родного языка", но при этом "заменить чужие звуки наиболее близкими к ним звуками родного языка". Подстановка, или "субституция звуков... становится здесь необходимостью" [5. С.463-464]. Таким же фонетическим замещениям подвергаются и заимствованные топонимы. В случаях, когда фонетические характеристики звуков заимствуемого слова примерно одинаковы или равно не противостоят характеристикам соответствующих звуков заимствующего языка, происходит как бы скрытая адаптация, когда незначительные фонетические изменения неудовольны для слуха, а следовательно, никак не выражаются и на письме:

Искаул, бывш.д. (Ват.) - ср. сиб.-тат. исн "старый" + аул "деревня";

Иснүт, пок. (Тевр.) - ср. сиб.-тат. исн "старый" + ут "огонь, пожар" ("старое попелище");

Изыллы, оз. (Тевр.) - ср. сиб.-тат. мазар "могила, гробница" + лы (суф. прилаг.);

Тяули, бывш.д. (Эн.) - ср. сиб.-тат. тяу "гора" + ли.

Следует заметить, что подобные, удобопроизносимые для русских, формы подвергаются зачастую в языки последних и дальнейшей адаптации, уже на более высоком, морфологическом, уровне:

Байбачи́, бол. (Ваг.) < *Байбачи < *Байбак - ср. сиб.-тат. байбак "сурок";

Байтальчи́ни, пок. (Ваг.) < *Байтады < *Байтал - ср. сиб.-тат. байтал "нобыля";

Тарачёк, пок. (Тавр.) < *Тарачи - ср. сиб.-тат. тарачи "петушиный гребешок".

Часто приходится иметь дело со случаями, когда видоизменения звукового облика по сравнению с исходным в заимствованных словах очевидны. В области вокализма, например, в произношении русских топонимов наблюдается трансформация татарского гласного переднего ряда а. Этот широкий неогубленный звук можно характеризовать как средний между русскими 'а и 'а². Соответственно в орфографии русских топонимов звук а передается буквами а (и) или е:

Бурён, оз. (Ваг.), Бельбу́рен, оз. (У-Иш.), Балгабу́рэнъ, оз. (У-Иш.) - ср. сиб.-тат. бу́рен "старица, речной рукав; маленькое озеро";

Апыш, д. (У-Иш.) - ср. сиб.-тат. ап "старый" + кыш "зима"; "зимовка";

Тиринку́ль, оз. (Ваг.) - ср. сиб.-тат. ти́рен "глубокий" + кул "озеро";

Ты́к, ур. (Тавр.) - ср. сиб.-тат. ты́к "крутой, прямой; круча";

Улянкү́ль, оз. (Зн.) - ср. сиб.-тат. у́лан "травя" + кул "озеро" и др.

В татарских говорах тобольско-иртышского диалекта, распространенного на исследуемой территории, гласный а имеет более заднюю по сравнению с русским а артикуляцию, в тавризском и тарском говорах - даже с лабиальным оттенком а^б, иногда приближающегося к в. Иллюстрацией этого положения являются увеличенные русскими формы татарских топонимов:

Коанкыр, пок. (Ваг.) - ср. сиб.-тат. ка́н "береза" + кыр "берег";

Коргёс, оз. (У-Иш.) - ср. сиб.-тат. корга "ворона" + ял "гнездо, нора";

2. Сведения по фонетике говоров сибирских татар, проживающих на исследуемой территории, см.: [6].

Ойрбаш, ур. (Тевр.) – ср. сиб.-тат. айыр "речной рукав" + пац "голова; вершина" (сопровождается прогрессивной ассимиляцией по звонности) и др.

Разумеется, в подобных случаях нельзя не учитывать и влияние оканья – черты, повсеместно наблюдаемой в русских говорах исследуемой территории. Однако, как думается, оно не изменяет, а лишь поддерживает тот общий типологии, который оформился уже в языко-источнике.

В географических названиях тюркского происхождения татарский звук ц чаще всего передается на русской почве звуками д или ц. Это связано с тем, что по сравнению с русским звуком, ц в языке западно-сибирских татар pronounced более закрыто и приобретает в тобольско-иртышском диалекте лабиализацию, тем самым почти соответствуя месту образования и артикуляционным признакам русского звуков д или ц:

Бурцун, пак. (Бат.) – ср. сиб.-тат. бур "мел" + цун (суф. суф.);

Корбуцун, оз. (Бат.) – ср. сиб.-тат. коры "сухой, высохший" + цун "озерно";

Охунгиль, оз. (У.-Иш.) – ср. сиб.-тат. осын "длинный, долгий" + иль "озеро".

Предударный звук д в татарских топонимах при освоении на русской почве передается звуком ц:

Цуцгиль, оз. (Тевр.) – ср. сиб.-тат. одлы "большой, великий" + иль "озеро";

Цуцтаруц, о-в (У.-Иш.) – ср. сиб.-тат. цолла "священник" + таруц "островок на болоте".

Очевидно, это явление связано со свойственной местным татарским говорам более высокой и узкой, по сравнению с русским о, артикуляцией.

В области неударного вокализма имеет место утрата так называемого тюркского "полногласия", т.е. выпадение гласного в предударном слоге многосложного слова. В русском орфографическом написании это явление выглядит следующим образом: Каргачи, бывш.д.

(Тар.) – в речи татар Каргачи; Барзаш, оз. (Бат.) – в речи татар

Барзаш; Кармалы, ур. (Тоб.) – в речи татар Кармалы и др.

Консонантизм местных татарских говоров характеризуется двумя основными чертами, в отличие от произношения согласных в татарском литературном языке, - широко распространенным оглушением шумных согласных и цоканьем. Это можно наблюдать на примере заимствований, усвоенных русской топонимической системой: Байгильди, оз. (Тар.) - от тат. личного имени Байгильдя; Луцкагиль, оз. (Х-Иш.) - ср. тат. чучка "свинья"; Цырыгиль, оз. (Таб.) - ср. тат. чарен "гнилой, трухлявый" и др. Последний пример иллюстрирует и другую закономерность освоения иноязычного материала: в топонимах, состоящих из двух или нескольких слов, при стечении одинаковых согласных на стыках этих слов один из согласных может опускаться, т.е. наблюдается полная ассимиляция: Едбакуль, оз. (Х-Иш.) - ср. сиб.-тат. Йелбак "широкий" + и́д "озеро".

Хотя для татарских говоров исследуемой территории свойственно и глухое произношение шумных, в русских топонимах часто встречается озвончение тюркских глухих:

Бартыш, оз. (Ваг.) - ср. сиб.-тат. пара "есть, имеется" + таш "камень";

Бугала, р. (Ваг.) - ср. сиб.-тат. пота "бык" + ла;

Уэунгиль, оз. (Ваг.) - ср. сиб.-тат. бесен "длинный, долгий" + кул "озеро" и др.

Учитывая, что не всегда имеются позиционные условия для подобного озвончения на тюркской почве, причинами такого явления считаются следующие:

1) медиальный (полузвонный) характер произношения согласных звуков в местных татарских говорах, возможный в определенных фонетических условиях;

2) смешанный характер говоров сибирских татар, когда в зонах наибольшего "кавказского" компонента возможно звонкое произношение согласных;

3) влияние общерусской тенденции к озвончению (в севернорусских говорах и в старожильческих говорах Зауралья) [7. С.105-109].

Тенденция к смягчению согласных и нарушению палатальной гармонии на русской почве при усвоении тюркских топонимов, отмечавшаяся на смежных территориях [7. С.109-110], в наших материалах почти не наблюдается.

Источники и литература

1. См.: Серебренников Б.А. О взаимодействии языков // Вопр. языковедения. 1955. № 1.
2. См.: Ахунзянов Э.М. Двуязычие и лексико-семантическая интерференция. Казань, 1978; Ахунзянов Э.М. Русские заимствования в татарском языке, Казань, 1968; Михайлов М.М. Двуязычие. Чебоксары, 1969; Субаева Р.Х. Взаимодействие русского и татарского языков в топонимии Татарской АССР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1969.
3. См.: Дмитриева Т.Н. Лексические заимствования в русских говорах Нижнего Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1981; Сердюкова О.К. К вопросу о взаимодействии русских говоров с языками других систем // Горы территории позднего заселения. Саратов, 1977. Вып. I; Турбин Г.А. Татаро-булгарское влияние на русские говоры Южного Урала // Проблемы сибирской диалектологии. Красноярск, 1979.
4. См.: Суперанская А.В. Имя собственное в чужой языковой среде // Топонимистика и транскрипция. М., 1964.
5. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
6. Тумалев Д.Г. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977.
7. См.: Хромова Н.И. Топонимия бассейна реки Вагай: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985.